

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

РОБЕР МЮШЕМБЛЕ

ОРГАЗМ

ИЛИ ЛЮБОВНЫЕ УТЕХИ НА ЗАПАДЕ
ИСТОРИЯ НАСЛАЖДЕНИЯ С XVI ВЕКА
ДО НАШИХ ДНЕЙ

Культура повседневности

Робер Мюшембле

**Оргазм, или Любовные утехи на
Западе. История наслаждения
с XVI века до наших дней**

«НЛО»

Мюшембле Р.

Оргазм, или Любовные утехы на Западе. История наслаждения с XVI века до наших дней / Р. Мюшембле — «НЛО»,
— (Культура повседневности)

ISBN 978-5-44-481499-4

Что такое история оргазма? История скрытого тела, подавленных желаний, плоти, сдерживаемой общественными запретами и законами нравственности. Многочисленные документы, глубоко запрятанные в недрах архивов и библиотек, могут пролить свет на эту чувственную, порой распутную жизнь. Книга Робера Мюшембле предлагает взглянуть на прошлое по-новому, осознать, что сублимация эротического влечения относилась не только к религиозной аскезе, а была скрытой движущей силой Запада до 1960-х годов. Сейчас же, впервые за много веков, репрессивная модель уступила место сексуальной свободе, а женщины благодаря появлению противозачаточных средств получили право на наслаждение.

ISBN 978-5-44-481499-4

© Мюшембле Р.

© НЛО

Содержание

Год наслаждения	5
ВВЕДЕНИЕ	6
Часть первая	11
Глава 1	13
РОЖДЕНИЕ ПОНЯТИЯ ЛИЧНОСТИ	13
Ренессанс или капитализм?	13
Личность и разрушение	14
Оболочки «я»	15
Над субъектом	17
СЕКС – ЭТО ВСЕ?	18
Парадигмы Фуко	19
Три периода сексуальности	20
Семья и плоть	21
О молодых фрустрированных самцах	22
«Третий пол» – содомиты	24
Новая модель сексуального поведения	25
ЖЕНЩИНЫ ЗАВОЕВЫВАЮТ ПРАВО НА	28
УДОВОЛЬСТВИЕ	
Сексуальная революция шестидесятых	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Робер Мюшембле

Оргазм, или Любовные утехы на Западе История наслаждения с XVI века до наших дней

Год наслаждения

Телемское аббатство существует! Рабле, как и я, с удовольствием провел бы год в тихой и плодотворной атмосфере, среди изысканного общества, делая все что душе угодно. В Институте перспективных исследований в Принстоне я обрел душевный покой, тепло дружеских отношений, изысканные наслаждения ума. Иногда к ним добавлялись и телесные удовольствия. Надо было лишь остерегаться избытка чесночной соли в блюдах замечательного ресторана и не выказывать слишком явно свое пристрастие к рукотворным благам рая. Меня поймет лишь тот, кто ощущал, как тридцать девять пар глаз направлены на его стакан с вином, в то время как другие тридцать девять стаканов наполнены чистой водой. Так начинаешь понимать, насколько велика сила самоконтроля под гнетом общественных установлений! Стать как все – это радость, во всяком случае, облегчение.

В этом раю для ученых, где богатейшие библиотеки открыты круглые сутки, в том числе и по воскресеньям, работа становится этическим законом, образом жизни, тем, что наследники протестантской культуры считают знаком божественного предназначения. Европейский гедонист ощущает там возбуждение, прилив энергии, работает много и эффективно. Поразительно, как вырастает притягательность самых простых удовольствий, когда ты лишен их. Я ощутил, как прекрасны бокал шампанского, кусок пахучего сыра или фуа-гра именно тогда, когда их мне не хватало. Тогда же я понял, насколько отличается современная «старушка Европа» от этой страны, созданной руками ее жителей. Они сохранили мужское видение мира как поля для соперничества, где остается гораздо меньше, чем у нас, места для сиюминутных радостей. Европа и Америка по-разному относятся к удовольствию, о чем будет сказано в конце этой книги. Но осознать, в чем заключается различие, я смог, лишь глубоко погрузившись в другую культуру. Я помню, как лукаво сказал коллега с философским складом ума, прослушав мое сообщение об изысканиях в области плотского наслаждения: «Я уже тридцать лет здесь, и впервые слышу, как при всех говорят “трахаться”»...

Я думаю о днях, проведенных в Институте, и меня охватывает ностальгия. Как часто я ходил по тропинке мимо Фалд-холла, где витал дух Альберта Эйнштейна, здоровался с коллегами и друзьями. Я спорил с ними, обсуждал разные проблемы и разглядывал белок, скачущих по деревьям, вспархивающих птиц. Весной по лесу бежали кролики, в мае с деревьев падали цикады, насекомые выползали из-под земли, чтобы дать потомство и умереть в июле. Я подумал: а испытывают ли все эти создания радость, в том числе радость секса? Я не стал делиться подобными размышлениями с американскими коллегами из боязни, что меня сочтут «типичным французом», испытывающим чрезмерный интерес к тому, чему место в алькове за занавесом.

Принстон – Париж, 2003–2004.

ВВЕДЕНИЕ

Словом «наслаждение» характеризуют самые разнообразные жизненные явления. Это и чувственные удовольствия, и эстетическое наслаждение, и духовные радости, не говоря об удовольствиях застольных и всех видах опьянения. В древнем Китае, во времена династии Хань, мудрецы называли разными словами действие, направленное на получение удовольствия, состояние, подобное эйфории. Соответственно, они различали три возможные формы наслаждения: немедленное удовлетворение желания; сладостное осознание того, что владеешь определенными благами и богатствами (дворцами, садами, прекрасными лошадьми, красивыми женщинами, роскошной одеждой, изысканными яствами и винами), и сладострастие, происходящее из размышления над тем, какими путями можно прийти к наслаждению. Иногда в размышлениях выделялся какой-то один вид удовольствия, и экстаз, венчающий путь к этому удовольствию, представлялся тем более насыщенным, чем длиннее был путь, вплоть до пренебрежения в конце пути самим удовольствием. Мудрые учителя составляли для императоров настоящую политику наслаждения: следовало придать всем видам разгула и роскоши такие формы, чтобы они питали энергией государство, семью, саму личность, а не вели их к разврату и падению¹. С точки зрения конфуцианства путь к тому, что на Западе называли «счастьем»², мог считаться завершенным лишь тогда, когда его венчали добродетель и воздержание.

Как известно, за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Мы не ставим задачей этого исследования исчерпать тему наслаждения в культуре. Я решил ограничиться проблемой сексуального наслаждения, тем более что она исследована мало, хотя Мишель Фуко обращался к ней в 1976 году³. Моя точка зрения прямо противоположна: на мой взгляд, к середине XVI века в нашей культуре утвердилась очень сильная тенденция к подавлению плотских вожелений. (Эта тенденция ослабла лишь с 1960-х годов.) Основополагающее напряжение между индивидуальным «либидо» и коллективными идеалами лежит в основе длительного процесса сублимации, охватывающего весь исторический период, о котором мы говорим. В разные эпохи сублимация рядилась в разные одежды и последовательно скрывалась под разными культурными покровами – то под религиозными, католическими или протестантскими, то под идеями умеренности философов Просвещения; ее необходимость провозглашалась врачами XIX века и связывалась с законами капиталистического рынка.

В XVII веке культура заложила фундамент принуждения, на котором держались поочередно то относительная свобода, то ужесточение моральных требований. Для меня чередование циклов свободы и подавления отражает общую картину динамического развития европейской культуры: после того как в общественном сознании происходит какой-либо переворот и привычные устои расшатываются, возникает необходимость преодолеть неустойчивость и вернуться к стабильности. Накопление подспудных и нереализованных желаний в периоды угнетения приводит к борьбе за эмансипацию, а в конце концов к разгулу и разврату. Но, с другой стороны, большое количество людей добровольно или вынужденно подчиняются жестким моральным требованиям и общественной тирании, и это толкает их вперед. Не имея возможности воплотить свои желания в частной жизни, они устремляются в различные сферы общественной активности: становятся рьяными религиозными проповедниками, желают завоевать

¹ *Nylan M.* On the politics of pleasure // *Asia Major* (Academia Sinica, Taïwan). 3 série. Vol. XIV. Partie 1. 2001. P. 73–75. Благодарю автора за то, что он указал мне на эту свою статью и любезно поделился своими знаниями.

² В Европе категория счастья заняла значительное место в сознании лишь со времен Просвещения и связывалась, в преддверии революции, с идеей прогресса: *Mauzi R.* L'Idée de bonheur et la pensée française du XVIII siècle. Paris: A. Colin, 1960. 2 éd. 1965.

³ *Foucault M.* Histoire de la sexualité. T. I. La Volonté de savoir. Paris: Gallimard, 1976.

мир, пытаются реализовать в художественной или интеллектуальной деятельности, становятся коммерсантами мирового масштаба.

Особенность развития европейской культуры имеет немало объяснений. Во многих теориях концепция строится вокруг антагонистической пары «духовность—экономика». Однако опора преимущественно на христианские положения, равно как на законы развития капитализма, кажется мне недостаточной. Размышления над развитием культуры невозможно свести к описанию материальных объектов: ее контуры выявляются, в меньшей степени, и при анализе социальных факторов. Вот почему я хочу предложить более широкое исследование, которое будет опираться на совокупность человеческих взаимоотношений. Исходной точкой моего анализа является положение о том, что сублимация эротических влечений составляет фундамент и определяет своеобразие нашей культуры со времен Возрождения. Сублимация обуславливается не только нравственными нормами, определенными богословами и властью; в ней присутствует взрывной потенциал скрытой сексуальности, который может оказаться сильнейшим дестабилизирующим фактором, при этом она постоянно приспосабливается к масштабным изменениям общества. Самая явная форма сублимации – сдерживание и порицание разврата, – на мой взгляд, является одним из самых существенных изобретений современного западного общества. Именно здесь скрыто недостающее звено, позволяющее найти глубинную связь между духовным и материальным, телом и разумом, индивидуальным началом и коллективом. Макс Вебер считал, что возникновение и развитие капитализма непосредственно связано с кальвинистской этикой – в его работах проявилось стремление объяснить дух европейской цивилизации религиозной социологией⁴. Фундаментальные особенности нашей коллективной «фабрики» действительно напрямую зависят от стремления к жесткому контролю над плотскими вожделениями и попыток его переориентации. Вместе с тем, расширяя перспективы, намеченные Вебером, я хотел бы заметить, что в самой матрице нашего общества заложены те силы, что ведут скрытую и упорную работу над ограничением плотских желаний, и объяснять их возникновение одним лишь духом протестантской этики было бы упрощением. Норберт Элиас увидел в динамизме нашего общества стремление использовать личностную сублимацию в интересах всеобщего прогресса, заключенное в рамки «цивилизации нравов»⁵. Его интересуют в первую очередь проблемы происхождения феномена и формирования общественных взаимосвязей. Я бы хотел дополнить его анализ и попытаться обнажить скрытый механизм, благодаря которому вулканическая энергия подавленных чувственных желаний определяет эволюцию общества. После исследований Фрейда такой подход может показаться слишком очевидным. Однако остается неясным, каким образом и с помощью каких невидимых рычагов обществу удастся направить личные вожделения в нужное русло и, подавляя их, использовать на благо всего коллектива. Таким образом, в мой предмет исследования входит и история сексуального наслаждения, и развитие представлений о человеческом теле – как в ученых теориях, так и в реальном поведении, а также изменение отношения к индивидуальным потребностям человеческой личности от пренебрежения и запретов XVI–XVII веков до современной тенденции к нарциссизму.

Рамки настоящего исследования ограничены пятью веками – от Ренессанса до наших дней: на мой взгляд, это целостный период, где все явления глубоко взаимосвязаны. Я буду вести исследование, сравнивая Англию и Францию. При всей очевидной разнице в культуре и исторически сложившемся соперничестве, продолжавшемся после распада колониальной системы вплоть до недавних времен, и в той, и в другой стране сформировались глубоко укоренившиеся традиции, и в них неожиданно обнаруживается поразительное сходство в отношении к плотскому наслаждению, в частности к оргазму. Одна страна – протестантская, другая

⁴ Weber M. L'Étique protestante et l'Esprit du capitalisme. Paris: Plon, 1964 (1-е изд. на нем. яз. 1904–1905).

⁵ Elias N. La Civilisation des mœurs. Paris: Calmann-Lévy, 1973 (1-е изд. на нем. яз. 1939).

– католическая, однако они так долго шли рядом, что я склонен свести к минимуму религиозный фактор в возникновении и утверждении определенных принципов самоконтроля в сексуальной сфере. Этот самоконтроль в конечном счете привел к возникновению «экономии энергии либидо», на которой базируется широкое распространение европейской цивилизации по всему свету после Великих географических открытий. Париж и Лондон, две конкурирующие столицы, стали лабораториями по разработке этой экономии. Наконец, Соединенные Штаты, унаследовавшие, с одной стороны, принципы гордых мятежников Альбиона, а с другой, замороженные еще со времен Лафайета образом француза-соперника, станут для нас третьим предметом исследования. На фоне этой культурной модели особенно заметно сходство между двумя странами Старого Света, отдающими дань наслаждениям жизни, в отличие от суровых нравов Нового Света.

Исследование состоит из четырех частей. В первой я излагаю основные положения теории, на которой базируюсь, и формулирую главные понятия, связанные с развитием плотского наслаждения в Европе за пятьсот лет и с его влиянием на нашу культуру. Христианская доктрина с самого начала стремилась сдерживать раскаленную лаву жизненных инстинктов панцирем предписаний и запретов. Однако лишь с середины XVI века возникает интенсивное нравственное давление светских властей, появляются новые законы, на которые опираются и католики, и протестанты. Отныне человек испытывает непреходящее чувство вины за любой проступок, оскорбляющий приличия, ему внушается, что необходимо сохранять постоянный самоконтроль в сексуальной сфере. Плотские утехы допустимы только в законном браке, да и то в очень скромном виде; все прочие формы половой жизни клеймятся позором. Разумеется, подобное замораживание живых людей было осуществимо только в теориях моралистов, а не в реальной жизни. Но оно создавало внутреннюю напряженность в душах тех, кто пытался обуздать или сдержать свои желания, стремясь соблюдать требования церкви и монархического законодательства. Однако жизненная энергия, введенная в строгое русло, часто находила выход в борьбе за высокие общественные идеалы. Мишель Фуко с негодованием пишет о том, как росло в обществе стремление контролировать жизнь тела и души⁶, однако у этого стремления были и неожиданные позитивные последствия, так как сдерживаемая энергия накапливалась и в какой-то момент позволяла обществу воспользоваться ею. Кроме того, подспудно, поколение за поколением, формировалось представление о том, что удовольствие нерасторжимо связано со страданием, иногда сюда добавлялась жажда разрушения. Невысказанные эротические желания стали двигателем человеческой деятельности: из них произошла личностная неудовлетворенность, которая оказалась созидательной, а не разрушительной и породила постоянное колебание общества между фазами свободы и ограничения. Порок и добродетель без устали сменяют друг друга, поочередно выходя на первый план в том или ином веке, десятилетии или историческом периоде. Это чередование продолжалось вплоть до 60-х годов XX века, когда на первый план общественной жизни вышли женская сексуальная эмансипация и всеобщее стремление стать счастливым немедленно; можно сказать, что они принесли с собой существенные изменения, если не революцию в общественном сознании.

Вторая, третья и четвертая части книги последовательно описывают основные этапы восприятия наслаждения в общественном сознании начиная с эпохи Возрождения.

В XVI–XVII веках наслаждение неотделимо от боли, страдания или бунта. Это связано не только с древними христианскими представлениями о том, что угнетение плоти ведет к спасению души. На старую традицию накладываются новые установления власти. Отныне государство хочет следить за тем, насколько ему повинуются подданные. В городах рождаются новые капиталистические отношения, и ради блага экономики возникает необходимость в упорядо-

⁶ *Foucault M. Histoire de la folie à l'âge classique. Paris: Plon, 1961; Surveiller et punir. Naissance de la prison. Paris: Gallimard, 1975.*

чении всех сфер жизни. Роль личности возрастает, но, столкнувшись с необходимостью самостоятельно обеспечивать свое существование, человек равным образом испытывает вину перед Богом, королем и представителями власти. То, что под запретом, отождествляется с наслаждением и грехом и оставляет неизгладимый отпечаток в душах. Нарушителей установлений неотвратно ждет суровое наказание, некоторых из них, злоупотребивших радостями плотской любви, публично сжигают на кострах в назидание прочим. Воспоминания о кострах были живы в душах западноевропейцев вплоть до бунтов «шестидесятников» прошлого века, но можно ли утверждать, что и в наш век эпикурейства мы полностью свободны от этих воспоминаний?

С 1700 по 1960 год идут друг за другом два цикла поочередной смены вольности нравов и пуританской строгости. Век Просвещения пролил новый свет на эротизм и его роль в жизни человека и вызвал поток порнографических сочинений. Между 1800 и 1960 годами викторианские нравы налагают покровы на все, предписывают скрывать грудь и прочие части тела, созерцание которых объявляется бесстыдным. Медицина XIX века берет в свои руки власть над половой жизнью человека и передает эту власть взрослым женатым мужчинам. Врачи утверждают, что добродетельные жены фригидны по своей природе. Тем самым в обществе провозглашается двойной нравственный стандарт: мужчины могут без угрызений совести посещать проституток, ибо только с ними дозволено получать наслаждение от любви. Одновременно медицина проповедует необходимость сдерживания желаний, особенно для юношей: мастурбацию объявляют столь же опасной, как и венерические заболевания – и то и другое может привести к фатальным последствиям. Все то же представление о нерасторжимости страдания и наслаждения облачается в одежды научного знания.

В 1960-е годы старые представления остаются на прежних позициях в Соединенных Штатах, в то время как в Европе начинают торжествовать гедонистические устремления. В Старом Свете принципиально меняются воззрения, связанные с плотской любовью. Общественные и естественные науки без устали говорят обо всем, что связано с половой жизнью человека и что совсем недавно вызывало смущение. Вот уже несколько десятилетий ученые с маниакальным упорством изучают сексуальное поведение, проводят опросы и учат говорить без тени робости о том, что еще недавно составляло неназываемую, таинственную и сакральную сферу жизни.

Традиционное равновесие коренилось в утверждении о постыдности тела и чувственности, но вот на сцену вышло новое, доселе неслыханное понятие – женский оргазм, которое существенно поколебало все старые представления, и последствия этих сдвигов еще скажутся в будущем. В нашем мире основой общественного договора был супружеский союз, но теперь, когда стало очевидно, что оба пола равноправны в нем, суть и место супружеского союза в общественной жизни неотвратно меняется. А тем временем появляется и третье действующее лицо – однополая любовь, которая тоже заявляет во всеуслышание о своих правах.

Таким образом, заколебалось все здание общественных устоев, и в это время восторжествовала концепция ухода в себя и крайнего эгоизма.

В заключительной части я размышляю о том, какие изменения в общественном сознании увлекли Европу к поискам радости жизни, в то время как в Соединенных Штатах культивируется идеал традиционных семейных ценностей и ностальгия по традиционному сексуальному идеалу, некогда закрепленным репрессивными мерами; отсюда проистекает и особая настороженность по отношению к соблазнам.

Последнее вызывает особый интерес. На мировой арене происходят потрясения и перевороты, которые настойчиво требуют изменить традиционную европейскую модель половых отношений. Таким образом, скрещиваются интересы традиционной семейной пары и требования, предъявляемые современной жизнью. Многочисленные сочинения и предписания для сексуальных партнеров настоятельно советуют различать собственные половые импульсы, направленные на получение удовольствия, и желание иметь детей.

В своем исследовании я хотел бы предложить расширенную историю культуры, опираясь также на результаты исследований в других научных дисциплинах, чутких к требованиям нашего времени. Скрещение различных взглядов и точек зрения оказалось необходимым для того, чтобы дать современный ответ на древний вопрос: что такое наслаждение и для чего оно нужно?

Часть первая ОРГАЗМ НА ЗАПАДЕ

Человеческое существо не может жить в одиночестве. Человек – стадное животное, и первобытные люди, как и те, кто в начале третьего тысячелетия более всего ценит радости жизни, нуждаются в помощи других и чтобы жить, и чтобы умереть. Историческая наука ставит своей задачей анализ взаимосвязей в человеческом коллективе, а также пытается понять, почему то или иное сообщество держится и не распадается, приспособиваясь к новым условиям быстройтекущего времени.

В этой книге история человеческого общества рассматривается с точки зрения телесного удовольствия. Выбор такого угла зрения может показаться парадоксальным, тем более что сам предмет может быть описан лишь приблизительно и расплывчато ⁷. Однако каждая цивилизация стремится определить свое отношение к естественным проявлениям человеческой сущности – к телу и сексуальной сфере жизни, которые и позволяют Субъекту обрести идентичность и строить взаимоотношения с другими членами коллектива. Телесная оболочка держит личность в плену плотских удовольствий, но она же определяет личность как единицу коллектива, она – объект любой политики, она – частица необъятной территории символов и знаков. Многочисленные предписания и запреты, связанные с телесной деятельностью человека, вводят каждую личность в те или иные рамки, определяют место в коллективе, независимо от того, стремится человек их исполнять или нарушать.

Со времен эпохи Возрождения особенно обострились поиски ответа на великий вопрос, вот уже два тысячелетия терзающий западную цивилизацию: какова взаимосвязь между индивидуальностью и коллективом? Каким тайным образом они соединены? Что за особое свойство позволило гомо сапиенс пойти дальше всех форм животных сообществ, в том числе сообщества приматов, с которыми у него, как утверждают биологи, так много родственных черт?

В этой книге рассматривается длительный исторический период – от открытий Христофора Колумба до начала XXI века. Именно в это время Западная Европа распространила свои ценности по всему земному шару. «Животное-властелин» превратилось за пять столетий в колонизатора-империалиста ⁸. Во многом его могущество основано на неуловимой, но действенной способности распоряжаться будущим. На Западе появились не только различные технические и экономические усовершенствования, но и такие идеалы и представления, которые позволили наполнить смыслом человеческое существование. Из поколения в поколение, из века в век создается и уплотняется полотно общественных установлений, а перевороты и новшества разного толка постоянно пытаются его растянуть и проредить. Медленно и постепенно уходили в прошлое старые христианские представления о противопоставлении тела и души, и в наши дни отзвуки этих представлений еще порой возникают. Но современное общество склонно видеть скорее взаимодействие между мыслящим существом и реальной сферой его деятельности; этому способствовали век Просвещения и установление прав человека, марксизм, либерализм и т. д. Перемены во взглядах на взаимоотношение души и материальной реальности начались еще с Декарта, приобрели особый размах у Ньютона и стали называться «современными научными представлениями», «верой в прогресс», «устрем-

⁷ Tiger L. The Pursuit of Pleasure. Boston: Little Brown, 1992. На с. 17 приведена формулировка Эдмунда Берка: «Страдание и наслаждение – это простые понятия, не поддающиеся определению» («Pain and pleasure are simple ideas, incapable of definition»). – Burk E. The Oxford English Dictionary).

⁸ Tiger L., Fox R. The Imperial Animal, with a New Introduction by the Authors. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 1998 (1-е изд. 1971).

ленностью к счастью человечества». В конечном счете речь шла о том, чтобы порвать с тягостным представлением о мире, где все правила жизни установлены раз и навсегда, где в великой Божественной Книге уже определены все грядущие события – от Сотворения мира до Апокалипсиса, а земная жизнь имеет лишь один смысл – дать возможность заслужить спасение души после смерти.

В XVI—XVII веках наслаждение – недозволенная вещь. Личность помещена в строгие рамки, созданные как равными по положению, так и разного рода опекунами, которые строго следят за тем, чтобы у человека не возникло искушения заглянуть в самого себя. В XVIII—XIX веках появляются различные системы, объясняющие поступки и свойства человека, а с ними возникает и право получать плотское удовольствие без страха перед законом или преисподней. Более того, появляется право открыто обсуждать половую сторону жизни. Роль таких обсуждений все возрастает; разговор об эротике становится одновременно разговором о человеке, о его желаниях – дозволенных или запретных и о том, какое место уделяет данное сообщество сексуальной сфере, что в свою очередь связано с системой ценностей и главенствующих целей сообщества. Об эротике и сексе пишут все больше, что не означает еще свободу от ограничений, но говорит о том, что между неизгладимым отпечатком старых запретов и новыми потребностями в свободе возникло глубокое и плодотворное противоречие. Свою лепту вносит Фрейд, подчеркнувший двойственность человеческого «я», устремленного в разные стороны инстинктом продолжения жизни и инстинктом смерти, к Эросу и к Танатосу. Можно сказать, что с 1960-х годов Европа пережила нечто вроде революции сладострастия.

Вот краткий набросок того, чему будет посвящено мое исследование. Попутно речь будет идти и об открытиях наук о человеке, верных спутниц развития западной культуры. Без истории развития этих наук нельзя понять, каким образом Личность вышла на авансцену культуры как новый герой. Нельзя сказать, что этот герой разорвал все привязанности и обязательства перед другими, – речь идет о том, что общество настойчиво предлагало ему лучше познать самого себя, свои собственные потребности и желания, а вместе с ними и четко осознать меру своей собственной ответственности перед другими. Наслаждение как маленький светильник позволяет различить нить Ариадны и, следуя за ней, углубиться в лабиринт наших изначальных устремлений. Сделать это следует именно сейчас, так как Европа столкнулась с как никогда сильным сопротивлением, с системами ценностей других регионов, чье влияние все возрастает в мире. В переломные моменты по трещинам и изломам скрытый смысл становится виднее, чем в пору твердых и непоколебимых убеждений.

Глава 1

НАСЛАЖДЕНИЕ, НАЗВАННОЕ ПЛОТСКИМ

Физическое наслаждение соединяет существо со всем миром. Прежде всего надо попытаться понять, какое место занимает в западной культуре личность в соотношении с удовольствием. Христианские богословы и Фрейд опираются на разные теории и используют разную терминологию, однако они сходятся в том, что человеческая сущность основана на непримиримом противопоставлении двух начал. Если первые говорят о теле и душе, то Фрейд выделяет стремление к жизни и стремление к смерти и при этом переворачивает основополагающий дуализм, заявляя, что сексуальность одновременно связана с инстинктом продолжения рода и содержит скрытый заряд саморазрушения человека. У теологов и у Фрейда собственно радостям плоти выделено достаточно ограниченное пространство. Лишь в последней трети XX века расцвели теории, говорящие о пользе оргазма и о значительности его места в нашей культуре.

Медленное и беспорядочное постижение сути и роли личности оказывается той золотой нитью, что дает возможность проследить за переменами в сознании. Понятие сублимации, вызванной сексуальным угнетением, стало невидимым двигателем того подспудного движения, что вышло на поверхность с 1960-х годов.

РОЖДЕНИЕ ПОНЯТИЯ ЛИЧНОСТИ

Понятие Субъекта давно было предметом споров западных историков. Однако среди них лишь немногие говорят о возникновении понятия до XII века⁹. Но тогда оно было скорее «коллективным предприятием», направленным на то, чтобы во славу Господа переделать своего соседа и, совершенствуя каждого, прийти к нравственному совершенству всего коллектива¹⁰.

Ренессанс или капитализм?

Для большинства исследователей поворот произошел в XVI веке или, по крайней мере, в итальянском кватроченто. Однако многие яростно оспаривают такое мнение. Якоб Буркхардт, например, считал, что средневековый человек был способен осознавать себя как личность лишь в качестве целого – расы, народа, семьи, сообщества, в то время как человек Ренессанса в духовной сфере стал настоящей личностью, осознающей собственную идентичность¹¹. Процесс этот шел по преимуществу в высших слоях общества, в интеллектуальной и художественной среде.

По аналогии с идеями Карла Маркса, выявившего товарные истоки капитализма, Макс Вебер отталкивается от материальных предпосылок, чтобы увидеть, как возникают новые религиозные концепции общества, в котором значительное место отводится человеку нового типа¹². По его мнению, решительный поворот произошел в XVI веке на северо-западе континента, а именно в Англии, где развилась система товарно-денежных отношений, сломавшая традиционную аграрную систему Средневековья. Он не отрицает, что денежное обогащение существовало и в Китае, и в Индии, и в христианских странах предыдущих веков. Однако

⁹ Morris C. *The Discovery of the Individual, 1050–1200*. N.Y.: Harper and Row, 1972. Pp. 158–159.

¹⁰ Kramer S.R., Bynum C.W. *Revisiting the twelfth-century individual. The inner self and the Christian community // Melville G., Schürer M. (éd.). Das Eigene und das Ganze. Zum Individuellen im mittelalterlichen Religiosentum*. Dresden. 2002. Pp. 57–85. См. также: Bynum C. W. *Jesus as Mother. Studies in the Spirituality of the High Middle Ages*. Berkeley: University of California Press, 1982. Chap. III. Did the twelfth century discover the individual? Благодарю автора за отсылки к этим работам.

¹¹ Burckhardt J. *La Civilisation de la Renaissance en Italie*. 3 vol. Paris: Le Livre de Poche, 1987 (1-е изд. на нем. яз. 1860).

¹² Weber M. *L'Étique protestante et l'Esprit du capitalisme*. Op. cit.

на Западе оно обрело особое значение, определило возможность неограниченного накопления и стало характерной чертой современной западной культуры. Устремленность к неограниченному накоплению появляется к концу XV века, чуть позже его роль укрепляется идеями кальвинистов и особенно английских пуритан. По мнению Макса Вебера, из учения Кальвина о предопределении вытекает особая протестантская этика труда, которая утверждает «аскетизм в миру» в противоположность жизни в наслаждении и роскоши. Этика труда и способствует рождению «личности» в формальном психологическом смысле этого термина. Развитие европейской культуры идет за пуританской мыслью, а упадок идеи корпоративной общности и верности идеям коллектива последовательно приводит к разделению частных интересов и стремления к выгоде, а потом и к выдвиганию Субъекта. Согласно учению о предопределении, человек не может быть уверен в том, что Господь обязательно спасет его, и поэтому стремится искать знаки божественного расположения. Преуспевание в различных областях жизни, таким образом, может быть доказательством того, что человеку уготовано вечное блаженство после смерти¹³. Идеи Вебера, как это бывает со всеми творческими и необычными идеями, вызвали множество откликов; потоки чернил полились, чтобы их поддержать или опровергнуть. В теории Вебера очень четко отразилось время ее создания – конец XIX века, когда истоки любого явления пытались увидеть в экономике. Плодотворность веберовской теории объяснялась тем, что он связал экономический аспект с обширным анализом религиозных идей, и его исследование оказалось близко к тому, что в современной науке называется историей культуры.

Личность и разрушение

Теперь следует условиться о смысле терминов. Личность, индивид, «я», *self* – за каждым из этих слов тянется груз скрытых смыслов, и каждый век наращивает собственные пласты в их понимании. В XVI–XVII веках, наоборот, термины еще не были сформулированы.

Понятие личности в это время рассматривается только в двух контекстах, каждый из которых имеет свои четко очерченные границы. Первый – в соотношении с кругом, к которому личность принадлежит, определяя свою идентичность внутри семьи, среди друзей, соседей и пр. В духовных автобиографиях рассказывается не о том, как человек познал собственное «я», но о его благочестивом пути, представляющем образец для других. Другой способ самовыражения – нарушение традиции, размышление над тем, насколько состоятельны существующие моральные и религиозные обязательства. Первый способ самовыражения оставил много свидетельств, следы второго различимы в деятельности тех немногих людей того времени, кто мог и владеть пером, и отойти от магистрального пути принятых в обществе норм. Во Франции лишь несколько человек сумели преодолеть запрет, существующий в христианской культуре, и заговорить о себе, вместо того чтобы непрестанно думать о Боге. Среди них несколько мужчин и еще меньше женщин – все они, как правило, пережили крушение своих надежд и чаяний. Назовем Монтеня – автора вне каких-либо классификаций, Брантома – автора «Галантных дам», упавшего с лошади и ставшего затем калекой. Маршал Монлюк был ранен, обезображен и впал в немилость. Агриппа д'Обинье, ярый гугенот, добровольно удалился в изгнание в Женеву: он не мог видеть, как его повелитель Генрих IV заключил мир с католиками. Наконец, супруга Генриха IV Маргарита Валуа, известная как королева Марго, отвергнутая мужем, преследуемая своим братом, Генрихом III, разочаровавшаяся во всем, решила написать потомкам о своей жизни, какой она представлялась ей в мечтах.

Были и другие, не столь яркие, но жившие не как все, а своим особенным образом, в частности женщины с их страстными увлечениями, свидетельства о которых сохранились в

¹³ Ibid. Pp. 147–148.

юридических архивах¹⁴. Однако открыто говорить о собственных ощущениях было не принято. Агриппа д'Обинье не употребляет местоимение «я» в книге «Жизнеописание Агриппы д'Обинье, написанное им самим для его детей». Установления и существующие нормы поведения запрещали творцу заявлять о своей независимости или вынуждали его очень дорого расплачиваться за нее.

Вопреки мнению Буркхардта, в XVI веке человек еще не обрел подлинной независимости. Личная, интимная сторона жизни могла рассматриваться лишь в осознанной взаимосвязи с той группой, к которой человек принадлежал, и протекала под надзором власти¹⁵. Женщины сталкиваются с дополнительными трудностями в борьбе за то, чтобы их права и непохожесть на других были признаны. Особенно трудно тем, кто беден и слаб: на них давят и традиционные религиозные обязательства, и патриархальные семейные отношения¹⁶.

Другими словами, индивид и индивидуализм – это не одно и то же. Первое понятие обозначает явление, которое несомненно существует в любом человеческом обществе. Второе обозначает отличительную черту общества, возникшую недавно и связанную с развитием западной культуры. Почти одновременно появляются соответствующие термины на английском (около 1820 года) и французском (ближе к 1833 году) языках¹⁷. В терминах скрыт тот смысл, над постижением которого думают лучшие умы XIX века, потому что, как кажется, за ним стоит необъятная проблема, решение которой могло бы объяснить, как развивается европейская культура в целом. Но, чтобы подступить к решению, следовало сломать мощные табу, установившиеся со второй половины XVI века. Эти табу, правда, не запрещали освещать до определенной степени внутренний мир личности; более того, заглянув внутрь себя, можно было увидеть свое отличие от всех проклятых и осужденных, живущих не по правилам.

Вплоть до XVIII века представление о противоборстве души и тела мешало изучению внутренней жизни человека: все, что скрыто внутри, слишком близко к понятию греха¹⁸. Самопознание предполагает возможность рассматривать волнения, страсти, наслаждения и боль – все то, что истинно верующий стремится контролировать и сдерживать, дабы заслужить спасение души. Тело губительно, оно – темница души, оно приближает самого благочестивого человека к животному. Эти воззрения изменились только с приходом философов века Просвещения и с развитием естественных наук.

Оболочки «я»

Попыток понять и смыслить, что такое Субъект, было множество; нас интересуют в первую очередь те, что связывают самопознание человека с развитием западной культуры и с медленным, часто болезненным процессом высвобождения личности из тисков коллектива, что происходило между XVI и XVIII веками¹⁹. Одно из самых обширных и плодотворных

¹⁴ Muchembled R. *Passions de femmes au temps de la reine Margot, 1553–1615*. Paris: Éd. du Seuil, 2003.

¹⁵ Greenblatt S. *Fiction and fiction // Heller T.C., Sosna M., Wellerby D.E. (éd.). Reconstructing Individualism: Automomy, Individuality, and the Self in Western Thought*. Stanford: Stanford University Press, 1986. Pp. 30–52; Greenblatt S. *Renaissance Self-Fashioning: from More to Shakespeare*. Chicago: University of Chicago Press. 1980. Pp. 1, 256.

¹⁶ Davis N.Z. *Boundaries and the sense of self in sixteenth-century France // Heller T.C., Sosna M., Wellerby D.E. (éd.). Reconstructing Individualism*. Op. cit. Pp. 53–63.

¹⁷ Bloch O., Wartburg W. von. *Dictionnaire étimologique de la langue française*. Paris: PUF, 1968. P. 337. Самое раннее употребление слова *individu* («индивид, личность») относится к 1242 году, слова *individualité* («индивидуальность») – к 1760, *individualiste* («индивидуалист») – к 1836.

¹⁸ Hume D. *Treatise of Human Nature*. Цит. по: Lyons J.O. *The Invention of the Self: the Hinge of Consciousness in the Eighteenth Century*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1978. P. 21.

¹⁹ См., в частности: Freud S. *Au-dela du principe de plaisir [1920] // Essays de psychanalyse*. Paris: Payot, 1981. Переиздано 2001; Rose N. *Assembling the modern self // Porter R. Rewriting the Self: Histories from the Middle Ages to the Present*. London: Routledge, 1997; Meyer J.W. *Myths of socialization and of personality // Heller T.C., Sosna M., Wellerby D.E. (éd.). Reconstructing Individualism*. Op. cit. P. 209; Dumont L. *Essais sur l'individualisme: une perspective anthropologique sur l'idéologie moderne*. Paris:

исследований в этой области принадлежит немецкому социологу Норберту Элиасу, который незадолго до Второй мировой войны создал мощную теорию «процесса цивилизации». Он считает, что в эпоху Возрождения начался длинный путь совместного развития европейской культуры и движения к индивидуализации личности. При Людовике XIV жизнь в Версале вынуждала знатных воинов сдерживать свою агрессивность, которая в прежние времена ничем не контролировалась, и направлять ее исключительно на службу королю и на защиту государства. Центральный аргумент Элиаса – существование взаимосвязи между общим стремлением к прогрессу и развитием государства, в частности городов, что выражается в необходимости самоконтроля со стороны всех заинтересованных лиц. Грубое насилие, в том числе сексуальное, во взаимоотношениях разных социальных слоев постепенно отступает на второй план, создается возможность межсословного контакта, а монополия на насилие целиком отходит к государству²⁰.

Элиасу великолепно удалось уловить объединяющие аспекты той сублимации, что Фрейд наблюдал у каждого пациента. Однако, хотя инструментом анализа у Элиаса и является нечто, эквивалентное фрейдовским «Супер-эго» и «Оно», немецкого социолога совершенно не интересует «Эго» в том виде, в каком его описывает венский психоаналитик. Элиаса интересуют в первую очередь те способы, благодаря которым среди членов той или иной группы людей распределяются объединяющие их ценности, автоматически диктующие дальнейшее поведение членов группы. Он не обращается ни к проблемам конкретных реальностей существования, ни к неминувшему разрыву между заданной нормой поведения и реальными потребностями и желаниями индивида. О сексуальности он говорит очень кратко, лишь для того чтобы показать, что она отодвинута на задний план жизни общества «в ходе процессов, аналогичных тем, о которых мы говорили подробно, анализируя другие импульсивные проявления»²¹. Он предпочитает разворачивать свою аргументацию, обращаясь к изменению поведения в сфере насилия, непристойности и скатологических проявлений, причем опирается на правила поведения, изложенные в двух книгах, появившихся почти в одно и то же время, – «Придворный» Кастильоне (1528) и «О приличном поведении детей» Эразма Роттердамского (1530).

Элиас обращается к анализу заданных норм поведения высших слоев европейского общества; его не интересует ни реально существовавшая практика, ни отголоски былых норм поведения – все то, что требовало бы долгой и кропотливой работы с информаторами. Соответственно, из его работ не слишком ясно, в чем же проявляется то сближение правил и возможностей, о возникновении которого он говорит. «Я» таит в себе ловушки, не случайно оно появляется в эпоху Возрождения и развивается начиная со второй половины XVI века, когда в религиозных конфликтах и у католиков, и у протестантов восторжествовала незыблемая леденящая мораль. Нормы этой морали заклеямили позором всякое проявление сексуальности, а строгие хранители нравственности отныне отказались публично обсуждать проблемы пола, пытаясь хотя бы таким образом обуздать эротические устремления человека. Последующее поколение укрылось покровом норм, сотканным еще плотнее, чем раньше.

Éd. du Seuil, 1983.

²⁰ *Elias N.* La Civilisation des mœurs. Op. cit.; La Société de cour. Paris: Calmann-Lévy, 1974; La Dynamique de l'Occident. Paris: Calmann-Lévy, 1975; La Société des individus. Paris: Fayard, 1991. См. также: *Muchembled R.* La Société policée. Politique et politesse en France du XVI au XX siècle. Paris: Éd. du Seuil, 1998. Ученики Элиаса уже 10 лет издают в Амстердаме журнал под названием «Figurations. Newsletter of the Norbert Elias Foundation». Среди авторов, не принимающих концепцию Элиаса, особо следует отметить Ганса-Петера Дуера: *Duerr H.-P.* Nudité et Pudeur. Le mythe du processus de civilisation. Paris: Maison des sciences de l'homme. 1998 (1-е изд. на нем.яз. 1988).

²¹ *Elias N.* La Civilisation des mœurs. Op. cit. Les relations sexuelles. Pp. 247–277 (приведенная цит.: p. 262).

Над субъектом

Может ли человек достичь абсолютной цельности и самодостаточности? XX век пошел по пути создания культа самолюбования – об этом говорят со всех сторон, даже точные науки это подтверждают²². В какой-то степени в этом виноват Фрейд: он всячески стремился порвать с традиционным западным противопоставлением тела и души, чтобы дать место «вытесненному». В его концепции разграничивается «Эго-тело» и «Супер-эго», Идеал и Эго, связанное с эдиповым комплексом и отделенное от глубинного «Оно». Он поясняет: «Мы считаем, что индивид – это глубинное и бессознательное “Оно”, скрытое на поверхности “Эго” [...] Добавим, что “Эго” укрывает “Оно” не полностью [...]. “Эго” нельзя отделить от “Оно”, оно сливается с ним в своей нижней части. Но и вытесненное тоже сливается с “Оно”, является его частью. Вытесненное отделяется от “Эго” только вследствие усилий, направленных на вытеснение, а через “Оно” вытесненное и “Эго” могут сообщаться²³». С его точки зрения, наслаждение тесно связано с Эго «изначальным и подлинным вместилищем *libido*, откуда оно направляется к объекту». Фрейд противопоставляет «импульсы Эго», ведущие к смерти, сексуальным импульсам, направленным на продолжение жизни. Однако некоторые из сексуальных импульсов действуют и в области Эго, а наслаждение, как замечает он дальше, может в реальности служить импульсом к смерти²⁴. Игрок, пропускающий ход, провоцирует других. Фрейд, по его собственному признанию, создал новую мифологию. Он отказался противопоставлять душу и тело, но подспудно, как мне кажется, ввел новую оппозицию, определил новую дуальность и существование двух антагонистических устремлений: тягу к смерти и тягу к жизни.

Он определил существование великого разлома в цельности Субъекта, но сам порой сомневался, насколько это верно. Он был гениальным новатором, но и частью определенной культурной среды, поэтому не мог полностью осмыслить свои положения вне категорий добра и зла. Основополагающие работы Фрейда, в которых он говорит о двух противоположных типах импульсов, продолжают в обновленном виде христианскую доктрину о Грехопадении, перво-родном грехе, скрытых дурных желаниях, бренности плоти и необходимости сдерживать страсти. Философы Просвещения оптимистично верили в бесконечный прогресс цивилизации, Фрейд, наоборот, видит человека как существо, всегда пребывающее в кризисе. Этот кризис, усиленный тоской по второй половине изначального неразделенного существа, – об этом говорил еще Платон в мифе об Андрогине – приводит к созданию теории гения как человека, в котором кризис протекает особенно мучительно и неизбежно приводит к болезни или исчезновению (как в произведениях «Смерть в Венеции» (1912) и «Доктор Фаустус» (1947) Томаса Манна²⁵).

Понятие вытесненного скрывает множество смыслов, и Фрейд предлагает символический ключ к нему. Он считает, что у каждого человека есть агрессивные и сексуальные инстинкты. Бессознательно именно они определяют те или иные поступки, но могут быть подавлены, сублимированы при помощи Супер-эго, вводящего в сознание основные ценности и модели поведения, унаследованные от родителей. Сам процесс сублимации происходит болезненно, так как он заставляет в угоду обществу и самоконтролю жертвовать теми удовольствиями, что испытывали наши дикие предки, но от которых пришлось отказаться ради безопасности существования²⁶.

²² Zohar D. (coll. Marshall I.N.). The Quantum Self: Human Nature and Consciousness Defined by the New Physics. New York: Morrow, 1990. P. 154.

²³ Freud S. Le Moi et le Ça [1923] // Essais de psychanalyse. Op. cit. Pp. 261–262.

²⁴ Freud S. Au-delà du principe de plaisir [1920] // Ibid. Pp. 54, 94, 110–111, 127.

²⁵ Rose N. Assembling the modern self. Op. cit. Pp. 225, 254–257, 268.

²⁶ Zohar D. The Quantum Self. Op. cit. Pp. 160–161. На этих страницах автор анализирует идеи Фрейда и спорит с ним.

В наше время существует идеализация личности, Субъект часто ставится превыше всего, и на этой основе иногда возникает представление о возможной цельности личности. Однако самые разные общественные силы и нравственные предписания, внушаемые, в частности, средствами массовой информации, оставляют личности весьма малое поле для независимости. В наше время, как никогда ранее, личность изучают, формируют ее вкусы, заботятся о ней и вводят в определенные рамки. Кроме того, в последние десятилетия XX века в интеллектуальной жизни Соединенных Штатов обнаружился некий значительный психологический феномен сродни нарциссизму. Речь идет о «трагическом человеке», которого преследует страх потерять собственную целостность²⁷. Так христианское представление о двойственности человеческого существа, некогда изгнанное в дверь в Вене, вернулось через окно в Соединенных Штатах. Теперь личность изломана, измучена отчаянием и осознанием невозможности полной самореализации. Ей не хватает ощущения, что внутри нее находится цельное изначально существовавшее ядро; в качестве компенсации человек начинает воспринимать себя как «великое существо». Основную причину раздвоенности человека следует искать в унылом и монотонном механизме передачи жизненных ценностей от отцов к детям. Критический заряд этой концепции направлен против традиционного для американской культуры сожаления об утрате патриархальных традиций и свидетельствует о скрытых внутри этой культуры недугах²⁸. Представление о личности как о биполярном явлении, возможно, отражает все то же христианское противопоставление души и тела, и не случайно оно стало так популярно именно в Соединенных Штатах, где библейское наследие имеет гораздо большее влияние на духовную жизнь общества, чем в «старушке Европе».

Итак, вот уже пять столетий, как изобретено понятие «я» – торговая марка нашей идентичности. Оно определяется в оппозиции к «мы», и полнее всего эта оппозиция осознается во взаимоотношениях личности и общества в том виде, в каком они сложились в западной культуре. Какое же место занимает в этом плане так называемое «плотское наслаждение»?

СЕКС – ЭТО ВСЕ?

Секс – ничто. Именно такая точка зрения достаточно долго господствовала в западной культуре. Необходимость сдерживать телесные желания провозглашалась и в средние века в соборах поборниками Божьих заветов, и радетелями нравственности в викторианской Англии, и во Франции до майских событий 1968 года. Мишель Фуко, знаменитый борец против любого ограничения свободомыслия, одним из первых снял запрет с этой темы. Он открыл широкие перспективы для обсуждения сексуальной стороны жизни в первом томе своей «Истории сексуальности», озаглавленном «Воля к знанию»²⁹. Его блестящее исследование основано на «гипотезе подавления», определяющей все исследования в этой области.

Однако в работе Фуко есть некоторая огорчающая неполнота: его концепция безоговорочно верна по отношению к XVIII–XIX векам, но никак не приложима ни к предшествующей эпохе, ни к явлениям второй половины XX века. Фуко обрисовывает контуры модели, возник-

²⁷ Lash C. The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations. New York: W.W. Norton, 1978. Исследование основано на материалах работы психоаналитиков 1960-х годов, описанных в: Kohut H. The Analysis of the Self. A Systematic Approach to the Psychoanalytic Treatment of Narcissic Personality Disorders. New York: International Universities Press, 1971; The Restoration of the Self. New York: International Universities Press, 1977. Постановка проблемы и, в частности, акцент именно на этих аспектах есть в сборнике под редакцией Лин Лейтон и Барбары Энн Шапиро: Layton L., Schapiro B.A. (éd.). Narcissism and the Text: Studies in Literature and the Psychology of the Self. New York: New York University Press, 1986. В частности pp. 1–32. По поводу взаимосвязи такой психологической патологии и способностей к творчеству в музыке или литературе см.: Kris E. Psychoanalytic Explorations in Art. New York: Schloken Books, 1952.

²⁸ Holland E. On narcissism from Baudelaire to Sartre: ego-psychology and literary history // Layton L., Schapiro B.A. (éd.). Narcissism and the Text. Op. cit, На с. 165 теория Лэша подвергнута острой критике.

²⁹ Foucault M. Histoire de la sexualité. Т. I. La Volonté de savoir. Op. cit.

шей по преимуществу в густонаселенных больших городах – Париже, Лондоне – около 1700 года. Именно тогда в существовании этих городов произошли значительные перемены и возникла необходимость упорядочить половую жизнь взрослых мужчин, все более и более укрепляя семейные узы. Однако ситуация совершенно изменилась к 1960-м годам под влиянием феминисток и гомосексуалистов. Ситуация была иной и до 1700 года. Несомненно, подавление сексуальности существовало и в XV–XVI веках, но оно диктовалось не теоретическими положениями далеких авторитетов, а стыдом перед соседями и местными обычаями.

Парадигмы Фуко

Выкладки Фуко (иногда несколько запутанные) переносят акцент с реалий плотской жизни на высказывания о ней. Фуко показывает, что проблема состояла не в том, что о плотской жизни молчали; наоборот, постоянные разглагольствования на эту тему привели к тому, что секс стал восприниматься как главная тайна, «основа всего»³⁰. Философ часто употребляет слово «козырь» (*enjeu*), подчеркивая тем самым, что в этой области между государством и личностью установились совершенно особые отношения, в частности там, где речь идет о школьниках или подростках. Фуко задается вопросом, что связывает власть и плотское наслаждение, и неоднократно выделяет свою центральную идею: в XVIII веке рождается «биовласть», которая подспудно вырабатывает представление о том, как сочетаются «индивидуальное тело» и «социальные группы», а сексуальность становится основной мишенью³¹. С некоторой осторожностью Фуко выдвигает гипотезу, согласно которой биовласть представляет необходимую силу для развития капитализма, оформляет и упорядочивает сексуальность так, что та становится выгодна экономически и служит интересам политически консервативных сил³². Однако он не поднимает вопрос о взаимосвязи между экспансией западных ценностей и умением контролировать плотские импульсы каждого человека.

В последующих томах Фуко кардинально изменил план задуманной серии исследований. Первоначально он намеревался сконцентрировать внимание на развитии Европы от средних веков и далее, однако два следующих тома, вышедших в 1984 году, – году смерти философа – посвящены Древней Греции и Риму³³.

Одним из самых увлекательных наблюдений издания 1976 года было описание того, как развивается представление о сексе как о «высшей тайне», которую поначалу доверяют только исповеднику, потом – психоаналитику, а потом она парадоксальным образом становится самым расхожим сюжетом разнообразных писаний и сочинений. Не менее продуктивным предстает замечание о том, что невозможно четко расчленить начало и конец цикла подавления сексуальности³⁴. Основной вклад книги состоит в том, что автор предлагает 4 парадигмы подавления сексуальности. Это «истеризация» женского тела, осуществлявшаяся медициной; половое воспитание детей, при котором акцент делается на опасностях секса и описываются, в частности, пагубные последствия онанизма; социализация деторождения и внушение семейным парам чувства особой ответственности перед обществом; наконец, это «психиатризация»

³⁰ Ibid. Pp. 49–50, 103.

³¹ Ibid. Pp. 37, 40, 42, 45, 62, 184–185, 193.

³² Ibid. Pp. 51, 185.

³³ Foucault M. Histoire de la sexualité. T. II. L'Usage des plaisirs («Использование удовольствий»). T. III. Le Souci de soi («Забота о себе»). Paris: Gallimard, 1984. В первом томе, вышедшем в 1976 году, на четвертой странице обложки были анонсированы последующие 5 томов серии, и второй и третий должны были соответственно называться «La Chair et le Corps» («Плоть и Тело») и «La Croisade des enfants» («Крестовый поход детей»), но затем автор решил посвятить их мыслителям классической Греции и Рима, а также двух первых веков нашей эры.

³⁴ Foucault M. La Volonté de savoir. Op. cit. Pp. 79–80, 162, 171–173.

извращенных наклонностей и удовольствий, проявляющаяся в стремлении выявлять и лечить патологии³⁵.

Эти парадигмы легко распознаются в том историческом периоде, который стоит в центре исследования Фуко, – XVIII–XIX столетия. Однако они не столь характерны ни для предшествующего, ни для последующего периода. В книге Фуко сквозная линия развития от Возрождения до наших дней мне видится только в описании последовательного сокрытия сексуальности в глубине «я», причем в том виде, в каком оно представлено в рассуждениях и теоретических трактатах на эту тему, а не в реальном сексуальном поведении людей. При попытках анализа этого реального поведения неизбежны лакуны и разрывы.

Три периода сексуальности

И биология, и антропология, и этнография, и дисциплины, изучающие строение нервной системы, говорят сегодня о том, что человек, как и прочие животные существа, озабочен проблемой сохранения вида, и сексуальность – одна из основных форм решения этой проблемы. Однако только нашему виду доступна сублимация. По теории Фрейда, сублимация нужна не только для того, чтобы избавиться от чрезмерного возбуждения, – она является «одним из источников творческого вдохновения»³⁶. На мой взгляд, в ней скрыт подлинный двигатель развития европейской культуры, основанной вот уже пять столетий на мощной силе сексуального подавления. Это подавление выходит далеко за рамки христианской морали. Христианская мораль всего лишь дала возможность упорядочить жизнь в обществе, раздираемом конфликтами; позже фрейдизм помог индустриальному буржуазному обществу найти не религиозный, а светский выход и использовать энергию либидо в интересах накопления капитала. И в одежды религиозных предписаний, и в одежды психоанализа рядилась одна и та же идея о необходимости строгого самоконтроля над произвольными импульсами ценой боли, страданий и страхов, но во благо всего коллектива. Быть может, мы до сих пор, так или иначе, находимся во власти бывшего стремления к аскетическому поведению, которое позволило западному миру направить в созидательное русло разрушительную по сути силу человеческой похоти.

Истоки следует искать в далеком прошлом. Первые христианские монахи жили в абсолютном воздержании и безбрачии и призывали к тому же священников-мирян. Однако лишь после Тридентского собора 1563 года строжайшие требования распространились на всех клириков без исключения. Ранее некоторые из них могли позволить себе пойти на поводу у своих желаний. Однако столбовой дорогой европейской цивилизации ограничительная мораль стала лишь после того, как была воспринята светской частью общества и начала активно внедряться в самые широкие слои населения.

В эпоху Возрождения христианские моралисты в своих трактатах выступают против сладострастия как такового. Они предписывают, в идеале, мужчинам и особенно женщинам полный отказ от требований плоти и уход в монастырь. Однако реальность расходилась с нравоучительными сочинениями. Католическая церковь того времени видела в браке единственный выход для тех, кто не может противиться искушению и не желает быть навеки проклят. В действительности же церковные власти на местах придерживались некоторого негласного договора с прихожанами и следили лишь за тем, чтобы никто не выходил за рамки дозволенного. Это позволяло соблюдать определенное равновесие в обществе³⁷. Хотя физические сношения вне супружеской постели или без согласия со стороны старших родственников-мужчин могли сделать соблазнителя объектом кровавой мести, сексуальность проявлялась достаточно

³⁵ Ibid. Pp. 137–139.

³⁶ Freud S. Trois essais sur la théorie de la sexualité. Paris: Gallimard, 1962. Pp. 156–157. (1-е изд. 1905).

³⁷ Pitt-Rivers J. Antropologie de l'honneur. La mésaventure de Sicheim. Paris: Le Sycomore, 1983. В этой книге говорится об антропологическом аспекте стыда и боязни чужого мнения.

свободно. Свидетельство тому – множество незаконнорожденных детей, ну а в придворной среде и королевской семье сексуальное вожделение вообще никак не сдерживалось³⁸. С середины XVI и до конца следующего века происходят коренные изменения. Мощная тенденция к подавлению сексуальности утверждается и в законах, и в нравственных предписаниях самым наглядным образом. И церковь, и государственные органы хотят отныне контролировать не только духовную, но и телесную жизнь подданных. Особенно сильно подавление происходит в городской среде, где всячески пропагандируется и религиозное самоотречение, и умеренность во всем в противовес развратной придворной аристократии, склонной к необузданности и роскоши. Происходит нечто вроде коллективной сублимации, основанной на индивидуальном вытеснении. Этот процесс, на мой взгляд, способствует динамичной экспансии европейской цивилизации по всему миру. Особенно ярко он проявляется в странах-колонизаторах, таких как Франция и Англия.

В следующий период, с 1700 и примерно до 1960 года, происходит подспудная переориентация сексуальности, русло которой определяют парадигмы, обозначенные Фуко. В это же время наблюдаются сложные изменения во взаимоотношениях мужчин и женщин, а также появляется «третий пол» – гомосексуалисты. В целом этот долгий период начинается с эпикурейских настроений XVIII века и отказа от моральных догм предшествующей эпохи, но за свободой приходит время строгих нравственных ограничений, которое длится вплоть до перелома 1960-х годов.

В 1960-е годы происходит решительный поворот или, как считают некоторые, только толчок к будущему освобождению. Так или иначе, и в Европе, и в Америке утверждается новая модель наслаждения жизнью. Понятие чувственности существенно переосмысливается, что связано с утверждением права на индивидуальное эротическое поведение, а также с признанием особой сексуальной независимости женщин и прав гомосексуалистов. Новая сексуальность восстает против прежних и существующих пуританских норм поведения.

Семья и плоть

Как регулируются в человеческом сообществе инстинкты и вожделения? В западном обществе эта роль возложена на семейные узы под надзором гражданских и церковных властей, а также различных общественных ограничительных предписаний. От Возрождения до Просвещения роль частной домашней жизни последовательно усиливается, идет процесс укрепления супружеских уз в ущерб более широким родственным, дружеским, приходским и прочим связям. Этот процесс достигает апогея к XIX веку, когда появляется культ домашнего очага в буржуазной семье. К последней трети XX века роль семьи в обществе заметно ослабевает³⁹. Представление о частной жизни существенно меняется. В современных огромных городах, где царит атмосфера общества потребления, все больше людей предпочитает жить в одиночестве. В 1990-е годы 50 % квартироръемщиков на Манхэттене были одиночки, в Осло их доля достигла 70 %⁴⁰.

³⁸ Bakhtine M. L'Œuvre de François Rabelais et la Culture populaire au Moyen Âge et sous la Renaissance. Paris: Gallimard, 1970 [1-е изд. на рус. яз.: *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Художественная литература, 1965. – *Прим. пер.*]; Muchembled R. L'Invention de l'homme moderne. Culture et sensibilités en France du XV au XVII siècle. Paris: Fayard, 1988. Переиздано: Hachette, coll. «Pluriel», 1994. Pp. 61–76; Flandrin J.-L. Les Amours paysannes: amour et sexualité dans les campagnes de l'ancienne France (XVI–XIX siècle). Paris: Gallimard-Julliard, 1975.

³⁹ Ariès P. L'Enfant et la Vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris: Plon, 1960. Переиздано: Éd. du Seuil, 1973; Daumas M. Le Mariage amoureux. Histoire du lien conjugal sous l'Ancien Régime. Paris: A. Colin, 2004; Arius P., Duby G. (éd.). Histoire de la vie privée. 5 vol. Paris: Éd. du Seuil, 1985–1987. T. III. De la Renaissance aux Lumières. T. IV. De la Révolution à la Grande Guerre. T. V. De la Première Guerre mondiale à nos jours; Pollock L.A. Living on the stage of the world: the concept of privacy among the elite of early modern England // Wilson A. (éd.). Rethinking Social History: English Society, 1570–1920. Manchester: Manchester University Press, 1993. Pp. 79, 81.

⁴⁰ Tiger L. The Pursuit of Pleasure. Op. cit. P. 75.

Супружеская пара – понятие не всегда одинаковое в разные времена, смысл его меняется вместе с развитием общества и цивилизации. С середины XVI и до середины XX века классическая супружеская чета составляет ядро общества. Она – особое место пересечения индивидуального телесного начала и общественной морали, единственное разрешенное проявление сексуальности. Брак и семейная жизнь были необходимым обрамлением полового акта. Чтобы вкушать радостей плотской любви, людям следовало сначала надеть друг другу на палец кольцо. Тому свидетельство – малое количество внебрачных детей: во французских деревнях XVII века их около 1 %. Видимо, молодые люди и девушки воздерживались от половых сношений на протяжении 10–12 лет, от половой зрелости до вступления в брак, ведь при отсутствии эффективных противозачаточных средств внебрачные отношения неминуемо привели бы к всплеску количества незаконнорожденных детей в статистических данных. Каким образом удавалось противостоять позывам плоти? Некоторые специалисты говорят о повсеместном распространении юношеского гомосексуализма и самоудовлетворения, однако немало и тех, кто видит причину в том, что молодые люди желали подражать аскетам – святым и монахам.

Несомненно, что в XVII веке происходит настоящая «десекуализация», затронувшая даже жизнь законных супругов. Мужу и жене предписывается исполнять супружеский долг без сладострастия, которое, с точки зрения моралистов, принижает человека. Однако сладострастие не следует смешивать с «необходимым удовольствием», без которого, по мнению врачей, невозможно зачать здоровых детей. Священники стараются внушить прихожанам, что удовольствию не следуют предаваться чрезмерно: они пытаются контролировать поведение супругов в постели и задают на исповеди вопросы о характере и интенсивности их ласк. Единственно приемлемой позицией при половом акте считается оплодотворяющее проникновение члена сверху вниз от мужчины, лежащего на партнерше. При этом обоим следует избегать удовольствия как такового⁴¹. Подобные советы ведут к сублимации или, во всяком случае, к умерению плотских appetitов – и то и другое необходимо, чтобы избежать вечного проклятья. После 1640 года во Франции страх перед адскими муками сменился новой идеей о возможности искупления греха Благодатью. В некотором смысле это сняло с супругов чувство вины и избавило от необходимости жестко контролировать свои желания⁴².

Независимо от того, насколько тщательно следуют религиозным предписаниям те люди, к которым они обращены (а это, видимо, в основном горожане), они думают о необходимости ограничивать свои страсти. Поведение горожан иное, чем поведение крестьян. У крестьян «низкие инстинкты» подавляются не внешними запретами, а боязнью выглядеть недостойно в глазах соседей. С этой точки зрения у них больше свободы действий, чем у горожан.

О молодых фрустрированных самцах

В аграрном обществе доиндустриальной Европы брак занимал совершенно иное место, чем в городах или в кругах элиты. Это место определялось особой структурой общества, восходящей отчасти к первобытной и основанной на независимом существовании трех групп людей – «группы женатых мужчин, группы женщин с маленькими детьми и группы юношей-холо-

⁴¹ Dupâquier J. (éd.). Histoire de la population française. Т. II. De la Renaissance à 1789. Paris: PUF, 1988. Автор кратко резюмирует основные споры на эту тему. В Англии среди внушительного количества работ следует выделить исследования Питера Леслетта: Laslett P. Un monde que nous avons perdu. Paris: Flammarion, 1969; Family Life and Illicit Love in Earlier Generations. Cambridge: Cambridge University Press, 1977; The World We Have Lost: Further Explored. 3 éd. London: Methuen, 1983. См. также: Wrigley E.A. et al. English Population History from Family Reconstitution, 1580–1837. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Данные, относящиеся к проблеме сексуальности, есть также в работах: Flandrin J.-L. L'Église et le Contrôle des naissances. Paris: Flammarion, 1970; Les Amours paysannes. Op. cit.; Le Sexe et L'Occident: évolution des attitudes et des comportements. Paris: Éd. du Seuil, 1981.

⁴² Dumas M. Le Mariage amoureux. Op. cit. В частности pp. 138–146.

стяков»⁴³. Такая система позволяет управлять сексуальной жизнью, более того, сексуальная жизнь оказывается символическим центром первостепенной важности, где происходит постоянное взаимодействие и взаимный обмен между мужчинами различных возрастов. Взрослые направляют в нужное русло сексуальный потенциал подрастающего поколения, устанавливая для юношей долгий период ожидания. Юноши собираются в сообщества – «королевства» или «аббатства» молодых, вступить в которые – дело чести. Там им приходится обуздывать свои стремления до достижения зрелости, причем она определяется не столько вступлением в права владения имуществом, сколько вступлением в брак. Только женатый мужчина обретает полноценный статус среди соседей. Сообщества молодых защищают своих членов от произвола мастера или старших родственников, а также дают возможность выплескивать эмоции. Причем окружающие относятся к этому снисходительно. Порой члены сообщества выступают в роли хранителей порядка в сексуальной сфере, заставляя, например, ехать на осле мужа-рогоносца или насыпая дорожку между домами заподозренных в незаконной любовной связи. Старшие мужчины, под опекой которых находились опозоренные девушки и женщины, – братья, отцы, мужья – не смели мстить за подобные выходки: в определенной степени именно так утверждался социальный статус фрустрированных холостяков.

Молодые холостяки, впрочем, не упускали случая обольстить девушку, что происходило даже в XVII веке, когда нравственные устои в целом ужесточились. Сексуальность молодых холостяков сдерживалась, но она существовала, более того, любая женщина, живущая без покровителя или просто недостаточно охраняемая, рассматривалась как законная «добыча». Особенно ярко это проявилось в XV веке на юго-западе Франции, где «банды молодцов» совершенно безнаказанно устраивали групповые изнасилования⁴⁴.

Кроме того, холостяки были не прочь развлечься с женщинами, не удовлетворенными мужьями, а также с молодыми вдовами и проститутками. Вероятно, они практиковали и онанизм, но мы не имеем об этом никаких свидетельств до XVI века, когда грех рукоблудия стал яростно осуждаться и вошел в наставления для исповедников. Некоторые излишне благонамеренные историки делают несколько поспешный вывод о том, что новые нравственные нормы дали быстрый эффект, особенно в пуританской Англии⁴⁵. Обилие трактатов, осуждающих онанизм, говорит скорее о том, что до определенного времени эта практика рассматривалась как допустимая. В Сомерсете между 1601 и 1660 годами «взаимная мастурбация обоих полов, доходящая до семяизвержения у мужчин, видимо, считалась обычным делом у молодежи из низших классов общества до вступления в брак»⁴⁶. Что же касается содомии и скотоложества, которые теоретически в XVI веке запрещались под страхом смерти, то здесь практика, видимо, расходилась с теорией, особенно в деревнях, и эти преступления не подвергались слишком строгим преследованиям. В судебных архивах Франции крайне мало упоминаний о процессах, возбужденных по этому поводу⁴⁷. В общинном быту, где дела и поступки каждого быстро становятся известны всем, малое количество уголовных дел при существовании строгого законодательства говорит о том, что на этот счет было негласное попустительство. Возможно, такая

⁴³ Формулировка была высказана Филиппом Арьесом на коллоквиуме 1976 года. См. сборник: *Sullerot ≈. (éd.). Thibault O. Le Fait féminin. Qu'est-ce qu'une femme?* Предисловие: André Lwoff. Paris: Fayard, 1978. Pp. 382–383. См. также: *Fox R. The Red Lamp of Incest; an Enquiry into Origin of Mind and Society.* Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1980. Переиздано 1983. Pp. 198–203. Мне приходилось встречаться с описанием подобной общественной структуры в деревнях Артуа: *Muchembled R. La Violence au village (XV–XVII siècle).* Comportements populaires et mentalités en Artois. Turnhout: Brepols, 1989. См. также в моей книге: *L'Invention de l'homme moderne.* Op. cit. Chap. V. De père en fils.

⁴⁴ *Rossiaud J. La Prostitution médiévale.* Paris: Flammarion, 1988. Pp. 26–40.

⁴⁵ *Stone L. The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800.* New York: Harper and Row, 1977; *Shorter E. The Making of the Modern Family.* New York: Basic Books, 1975.

⁴⁶ *Quaife G.R. Wanton Wenches and Wayward Wives. Peasants and Illicit Sex in Early Seventeenth-Century England.* London: Croom Helm, 1979. P. 246.

⁴⁷ *Muchembled R. Passions de femmes.* Op. cit. Pp. 213–215.

снисходительность появилась как следствие тех привычек, что приобретались в сообществах молодыми мужчинами, лишенными регулярных половых контактов. Юноши долгие годы жили бок о бок с товарищами, делили с ними страхи, тягости и радости и, вероятно, иногда пробовали получить и плотские удовольствия в объятиях друг друга. Кроме того, им позволялось выплескивать энергию в насилии разного рода, в том числе и над зрелыми мужчинами. Соседи терпели это, считая, что «молодежь должна перебеситься». Даже короли склонны были оправдывать бесчинства холостяков. Так, например, король Франции и король Испании легко помиловали в Артуа убийцу-холостяка, опираясь на те же самые доводы.

Однако мы не можем с точностью утверждать, что разделение на три группы населения в крестьянской среде существовало на протяжении всей тысячелетней истории Средневековья. Сообщества молодых зафиксированы только с XVI века: видимо, их возникновение связано с повышением брачного возраста и вытекающими из этого сексуальными проблемами. Такие сообщества просуществовали долго, несмотря на то что их неоднократно порицали за «беспутство» и нечестие. Упадок сообществ резко обозначился в эпоху Просвещения, когда произошли глубинные изменения в модели сексуального поведения в целом⁴⁸.

Сосуществование трех групп внутри населения базируется на молчаливом уговоре между поколениями; оно возможно при стабильности и неизменности социального устройства. Сыновья, достигшие половой зрелости, готовы смириться с маргинальным положением в обществе, зная, что однажды они смогут занять место отцов. Такая система выглядит патриархальной, однако она оставляет определенное пространство женщинам, занимающим в ней существенное место: именно они держат в руках ключ к мужским мечтам и наслаждениям. Отцы устраивают порой браки по расчету, чтобы приобрести или не отдавать на сторону свои владения, но там, где речь не идет о большом состоянии, юноши и девушки вольны выбирать супругов по своему усмотрению⁴⁹. После брака свежеиспеченный супруг оказывается лицом к лицу с трудностями. И «королевство молодых» уже не поддерживает его. Единственное, что он обрел, – законное право предаваться плотским удовольствиям (но при этом сексуальная энергия в те времена считалась разрушительной) и стараться, чтобы количество детей, которых надо кормить, не увеличивалось слишком быстро. Некоторые даже жалели о беспечном времени фрустрированного отрочества.

«Третий пол» – содомиты

Обратим наши взгляды на северо-запад Европы. Если в остальных ее частях, особенно у крестьян на юге, разделение населения на три группы существовало долго, то в Париже, Амстердаме и Лондоне с 1700 года установилась совершенно иная модель сексуального поведения. Она просуществовала, так или иначе, до 1960-х годов⁵⁰. Эта модель основана на новом понятии «мужественности», для нее характерно усиление роли брака и создание культа буржуазного семейного очага. Авторитеты и ценности в человеческих взаимоотношениях перераспределяются.

В век Просвещения в наиболее интенсивно развивающихся государствах вводится запрет на гомосексуальное влечение. До сих пор мужественность того, кто вступал в связь с мальчиком или партнером-мужчиной, не подвергалась сомнению. Теперь все меняется. В Лондоне молодые люди женоподобного вида получают презрительное прозвище «молли», связь с ними считается позором. Возникает нечто вроде третьего пола – содомиты. Сильный пол все больше озабочен доказательством собственной мужественности, характер отношений между мужчи-

⁴⁸ Bercé Y.-M. Fête et révolte. Des mentalités populaires du XVI au XVIII siècle. Paris: Hachette, 1976.

⁴⁹ Flandrin J.-L. Les Amours paysannes. Op. cit.

⁵⁰ Trumbach R. Sex and the Gender Revolution. T. I. Hetero-sexuality and the Third Gender in Enlightenment London. Chicago: University of Chicago Press, 1998. P. 22.

нами – членами сообществ и даже просто между друзьями переосмысливается. Онанизм подвергнут решительному осуждению, и идеальная мужественность отныне может реализоваться лишь во взаимоотношениях с противоположным полом. Учащаются посещения борделей и связи с проститутками⁵¹.

Существование меньшинства с нетрадиционной половой ориентацией становится все более очевидным, хотя Фуко и некоторые другие исследователи относят его появление лишь к следующему веку. Еще более наглядное свидетельство изменений – всплеск внебрачной рождаемости и внебрачных связей, а также повальное распространение венерических болезней⁵². В Париже происходит то же самое: там устраиваются полицейские облавы на педерастов и резко возрастает количество проституток.

Новая модель сексуального поведения

Сексуальность человека подобна часовому механизму: поворот одного колесика приводит в движение всю конструкцию. Малейшие изменения в одной части структуры влекут за собой изменения во всех ее элементах. Хотя в некоторых социальных слоях по-прежнему сохранялась верность старым традициям или вводились только отдельные «новшества», многие приняли концепцию «личной вины» человека и невольно оказались вовлечены в процессы управления энергией либидо.

Крестьяне принимали изменения медленно, и долго еще в областях, удаленных от больших городов, равновесие в обществе поддерживалось контролем над молодыми холостяками при помощи норм общественного осуждения⁵³. На другом полюсе спектра общественной морали все еще существовали былые принципы знати, позволявшей себе предаваться излишествами и необузданной роскоши без осознания какой-либо личной ответственности. Книги маркиза де Сада отражают устремления этой сибаритской части общества. В Англии эпохи Просвещения ее представлял Ричард Пейн Найт, который ввел в моду культ Приапа, а также члены клуба «Дилетанты». Остальные, по большей части горожане, оказались так или иначе в силках добропорядочной сексуальности и первыми испытали на себе мощь светской сублимации, бывшей ранее уделом только слуг Божьих. Так начался культурный процесс, дошедший и до наших дней, порой завершавшийся кушеткой на приеме у психоаналитика.

Брачный возраст при Старом порядке отодвинулся, но, тем не менее, в 1700–1720 годах произошел демографический скачок и население стало стремительно увеличиваться. Современники столкнулись с серьезной проблемой и забили тревогу. В 1798 году Томас Роберт Мальтус заговорил об опасности истощения продовольственных ресурсов и призвал к добровольному ограничению рождаемости. Западная Европа входила в новую эпоху промышленного переворота. В недрах огромных городов – а именно они были двигателем изменений – вызревал новый взгляд на сексуальность, который предшествовал, а потом и сопутствовал экономическому взлету. Распространение протестантской этики в Англии, духовное католическое возрождение во Франции, введение понятия «приличного поведения» во всей Европе привели к тому, что среди большей части населения утвердился идеал умеренности и воздержания. В дальнейшем тот же идеал внедрился и в жизнь супружеской пары.

Сами супружеские ценности подверглись принципиальным изменениям. Женщин лишили большей части свободы и даже права получать удовольствие от супружеских объятий.

⁵¹ Ibid. Pp. 4–9. См. очень суровую рецензию на эту книгу: Thomas Laqueur// The American Historical Review. Vol. 106. No. 4. Octobre 2001. Pp. 1456–1457.

⁵² Ibid. Pp. 14–17, 19, 22–23, 430.

⁵³ Claverie E., Lamaison P. L'Impossible Mariage. Violence et parenté en Guévaudan, XVII, XVIII et XIX siècles. Paris: Hachette, 1982; Ploux F. Guerres paysannes en Quercy. Violences, conciliations et répression pénale dans les campagnes du Lot (1810–1860). Paris: Bibliothèque de l'Histoire, 2002.

Процессы ведьм в 1580—1680 годах способствовали тому, что женщины стали испытывать ужас перед собственной чрезмерной чувственностью. Медицина XVI—XVII веков поддерживала этот ужас. Одним из главных обвинений против тех, кого заподозрили в сношениях с дьяволом, было то, что они предавались удовольствию, поправ человеческие и божественные законы, ибо искали в объятиях одно лишь наслаждение. Поведение их считалось тем более постыдным, что у многих уже наступила менопауза, а значит, они не могли зачать ребенка. Мифический ужас перед сексом-наслаждением выливался на допросах в требование признать, что пенис сатаны был покрыт шерстью, холодный как лед и причинял невыносимые мучения при соитии. Женское сладострастие уподоблялось демонической страсти, а ту, которая «умирала от наслаждения», ждала смерть и вечные муки на том свете. В противовес этому образу утверждается и держится более ста лет представление о добродетельной и благочестивой супруге, честно исполняющей свой долг перед Господом. Она рождает детей, но при этом не ищет удовольствия для себя и обретает в конце концов спасение души. Отсюда следует вывод, что добропорядочная женщина не должна получать удовольствие от любовных ласк. Именно в таком виде утвердилась эта мысль в XIX веке, когда буржуазная мораль провела четкую границу между страстной подругой и законной женой – послушной и целомудренной. Даже врачи подтвердили, что добродетельные женщины фригидны по природе. Такое разделение ролей было в интересах мужчин-самцов, главенствующих в обществе⁵⁴. Они выиграли во всем, так как в общественной морали воцарился двойной стандарт, следуя которому один и тот же мужчина мог быть образцовым супругом и в то же время наслаждаться в объятиях проституток, не испытывая при этом никакой вины. Более того, послушные жены должны были быть прикованы исключительно к домашнему очагу, чтобы избегать нескромных посягательств посторонних мужчин. Так сводился к минимуму риск появления незаконнорожденных детей. Плотское удовольствие – удел шлюх, и стремление получить его даже в супружеских объятиях позорит женщину.

Другое коренное изменение касалось жизни молодых холостяков. Вопреки мнению Фуко, юношеская сексуальность была введена в строгие рамки не в XIX веке, когда утвердилась биовласть, а гораздо раньше. Процесс начался уже в XVI веке, когда немногие юноши, обучавшиеся в коллежах-пансионах, оказывались на долгое время в изоляции от общества. Далее, под влиянием разнообразных социальных факторов, процесс расширялся и охватывал все большие группы юношей. При Людовике XIV во Франции завершилась эпоха профессиональной армии. По всей Европе церковь стремилась дать свое воспитание молодежи, усиливалась и роль городских сообществ. В результате в жизни юношей появился период, которого не было раньше, – «молодец на выданье», то есть сын в ожидании, пока родители подыщут ему невесту. Члены «королевств молодых» мало-помалу превратились в подростков, живущих частично или полностью под опекой старших вне связей с ровесниками. Особо ценились наследники знатных родителей и успешных горожан. В начальной школе подростки могли встретить немногочисленных девочек, но среднее и высшее образование при Старом порядке было исключительно мужским. Половое влечение втискивалось в строгие рамки. Кое-какие «глупые шалости», вызванные необходимостью приспособиться к новому образу мыслей, оставались. К ним относились, например, групповые гомосексуальные сношения в религиозных учебных заведениях или, позже, в английских университетах XIX века. Часто разрыв со старыми порядками был резким. Возможно, именно этим объясняется тот факт, что в 1700 году лондонские гомосексуалисты потребовали выделить им место в городе, где они могли бы спокойно жить, не боясь нареканий и оскорблений, и компенсировать нехватку общения с себе подобными. Постоянный надзор родителей, воспитателей и священников, красочные описания грядущих мук в

⁵⁴ Tiger L. *The Pursuit of Pleasure*. Op. cit. P. 43. Автор исследования замечает, что подобный феномен встречается и в других культурах, в частности, он приводит в пример японских гейш.

аду привели к тому, что юноши стали бояться собственного тела. Фламандский писатель Хуго Клаус в талантливом романе «Горе бельгийцев» описывает переживания мальчика, находящегося в религиозном учебном заведении времен Второй мировой войны⁵⁵. Мальчик считает собственную сексуальность грехом и боится ее. Интериоризация и подавление сексуальности, с точки зрения фрейдистов, ведут к постижению самого себя. Вытеснение, чувство личной вины приходят на смену общественному стыду и позволяют держать на поводке юных самцов. Однако возможны и загулы. Связь с честной женщиной запрещена, но проститутки охотно раскрывают им свои объятия. Такой выход не просто допустим – он всячески приветствуется обществом, так как мужественность можно доказать только в сношениях с женщиной.

После того как в XVIII веке выросли и расцвели огромные города, сексуальная жизнь успешных горожан стала протекать совершенно иначе, чем в крестьянском мире прошлого. Молодым холостякам ограничили доступ к производству потомства и телесным наслаждениям. Это произошло путем вытеснения желаний, запрета на онанизм и гомосексуальные связи, а также благодаря формированию образа идеальной супруги. Единственным выходом оставалось посещение проституток. Ими не гнушались и женатые горожане в промежутках между супружескими объятиями. Трудно оценить, насколько сказалось здесь потрясение всех былых устоев общества, всей патриархальной системы ценностей, в недрах которой происходили глубокие экономические, религиозные, политические перемены. Можно предположить, что именно волны сублимации, накатывавшиеся одна за другой, позволили западной цивилизации уйти так далеко вперед. Они докатились и до 1960-х годов, несмотря на все взлеты и падения и рост разнообразных патологий во времена Фрейда.

В отличие от крестьян, желающих видеть мир неизменным и стабильным, горожане индустриального общества стремятся к переменам и завоеваниям. Объединенные Провинции, Англия, Франция – эти три могущественных государства устремились к созданию колониальных империй. Каждое из них обладало могущественной метрополией с развитой торговой, а потом и индустриальной капиталистической системой и сильным сельским хозяйством. Кальвинистская идея предопределения, столь дорогая Максу Веберу, не объясняет всего явления в целом, тем более что католический Париж XVIII века вполне выдерживал конкуренцию с Лондоном. Франция богатела за счет торговли с Африкой и Америкой и огромных доходов от продажи сахарного тростника с островов. От Людовика XIV до Наполеона I империалистическое развитие Франции идет весьма динамично, что связано в первую очередь с ее демографической жизнеспособностью. Подобная жизнеспособность наблюдается и по другую сторону Ла-Манша. В игру вступает совершенно особый фактор, менее очевидный, чем простое увеличение народонаселения. Сексуальная политика аграрного общества была направлена на экономию силы и последовательное замещение одного поколения женатых мужчин другим. Теперь речь шла о полном нарушении равновесия в их пользу. Подростков не просто ограничили в доступе к плотским удовольствиям – они стали сомневаться в том, что в подвижном и меняющемся мире им вообще найдется место. Молчаливый уговор, согласно которому новое поколение придет на смену старому, потерял силу. Может быть, именно поэтому молодые люди ринулись вперед, пустились в бегство за пределы родной страны. В Англии они едут в колонии, в революционной и имперской Франции идут на подвиги и военные завоевания. Кроме того, еще существовало христианское миссионерство, освоение новых земель, колонизация планеты и так далее.

Восемь—десять поколений, сменившиеся с 1700 по 1960 год в Англии и во Франции, вечных странах-соперницах, развивались в области сексуальности по двум сходным направлениям. Волнообразно сменяли друг друга свобода и подавление, как будто сублимация и обуздание сексуальных влечений позволяли накопить энергию, которая затем вырывалась на сво-

⁵⁵ *Claus H. Le Chagrin des Belges. Paris: Julliard, 1985 (1-е изд. на флам. яз. Het verdriet van België. 1983).*

боду. В высших классах общества тот же процесс происходил на уровне развития каждого субъекта: подросток был вынужден сдерживать инстинкты, постоянно контролировать свою сексуальность, но зато в браке мог дать ей полную свободу за счет существования двойного нравственного стандарта.

ЖЕНЩИНЫ ЗАВОЕВЫВАЮТ ПРАВО НА УДОВОЛЬСТВИЕ

В 1960-е годы в западной культуре произошли глубочайшие изменения. Изобилие еды превратило все пространство от Европы до Северной Америки в оазис благополучия. Бедность и нищета все еще были видны на улицах, но большинство населения, причем не только высшие слои, впервые за все время существования человечества оказалось избавленным от голода. На протяжении XX века заметно увеличилась средняя продолжительность жизни. В развитых странах она превысила 80 лет для обоих полов. Исчезла чума и другие страшные болезни, некогда уносившие миллионы жизней. Несколько умерило оптимизм появление СПИДа и страх перед возникновением новых, еще неизвестных болезней.

Поколение, родившееся на Западе после 1945 года, не знало войн. Конфликты происходили вдали, не затрагивая жизненно важные национальные центры стран Западной Европы и Северной Америки. Отчасти именно этим объясняется тот шок, что испытали американцы 11 сентября 2001 года.

Прогресс позволил покончить с тысячелетиями голода, подчас вопиющего и вызывавшего смертоносные схватки между странами вплоть до Второй мировой войны. На этой основе европейская культура создала новый путь к сексуальному равновесию в обществе. Изменения произошли так быстро и были так глубоки, что, пожалуй, можно считать, что в 1960-е годы действительно произошла революция. Впервые весы качнулись в сторону женщин. Женщина обрела возможность самостоятельно решать, насколько связаны для нее половая жизнь и деторождение; женщина обрела право на оргазм. Все бывшее здание сексуальной морали пошатнулось, отдельные его части пришлось заново подгонять друг к другу.

Сексуальная революция шестидесятых

Из трех групп населения, вовлеченных в половые отношения, – зрелые мужчины, женщины, юноши и подростки – изменения в наименьшей мере коснулись последних. Подростки, как и в XVI веке, проводят около 10—12 лет в неопределенном социальном состоянии, однако в наши дни это лишь восьмая часть средней продолжительности жизни, а не третья или четвертая, как при Старом порядке. Увеличилась и продолжительность жизни в браке: если раньше юноша думал, что проживет в браке 10—20 лет, то теперь он рассчитывает на продолжительную сексуальную жизнь. Социальное положение молодежи нельзя назвать легким и в наши дни, о чем свидетельствует и статистика безработицы, и периодически вспыхивающие волнения. Однако молодой человек считает, что еще сможет реализоваться и прожить долгую успешную жизнь, чему способствует развитие системы социального обеспечения. Гомосексуалисты отводили себе гораздо большее и лучшее место под солнцем, чем лондонские «молли» и французские педерасты XVIII века. Теперь они требуют признавать их права и уважать нетрадиционную сексуальную ориентацию, вплоть до разрешения вступать в брак и усыновлять детей. Этой тенденции активно противостоят общественные силы в США, хотя в Сан-Франциско и Нью-Йорке издавна существуют коммуны геев, а в некоторых либеральных штатах официально разрешено заключать браки между людьми одного пола. Первым штатом, принявшим 17 мая 2004 года такой закон, стал Массачусетс⁵⁶.

⁵⁶ Belluck P. Massachusetts gives new push to gay marriage in strong ruling // The New York Times. 05.02.2004.

Принципиальные изменения коснулись уже состоявшихся мужчин и, в еще большей степени, женщин. Мужчины обрели возможность предаваться различным эротическим удовольствиям без необходимости прибегать к лицемерному буржуазному двойному стандарту. Но увеличение продолжительности жизни сопровождается и давлением на мужчин: со всех сторон им предлагают разнообразнейшие удовольствия и возможность наслаждаться ими до глубокой старости. Тем, для кого подобное давление становится невыносимым, заботливо предлагают свои услуги толпы психоаналитиков и специалистов по проблемам супружеской жизни. Все средства массовой информации наперебой говорят об уязвимости и незащищенности мужчин, вынужденных постоянно стремиться к новым достижениям. Повсюду рекламируются чудодейственные средства и снадобья от полового бессилия. В 2003 году вышел пародийный американский фильм, в котором изображены муки стареющего героя – его играет Джек Николсон. Он все еще тянется к женщинам, что более или менее получается при помощи виагры, но его организм подорван многолетним употреблением пищи с избытком холестерина. В конце концов он находит себе подругу по возрасту (ее играет Дайана Китон), и после разнообразных приключений на фоне больницы, окрашенных к тому же голливудской романтикой, герои обосновываются в Париже⁵⁷

⁵⁷ Something's Gotta Give. Режиссер фильма Нэнси Мейерс. Во Франции вышел в 2004 году под названием «Все может случиться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.